

VERA SITNIKOVA

 <https://orcid.org/0000-0002-1864-6219>

Аланья, Турция

variadis2004@yandex.ru

ВСТРЕЧИ НА К<ОННОГВАРДЕЙСК>ОМ БУЛЬВАРЕ (ДОСТОЕВСКИЙ VS ЧЕРНЫШЕВСКИЙ)

MEETINGS ON K<ONNOGVARDEYSK>Y BOULEVARD (DOSTOEVSKY VS CHERNYSHEVSKY)

This article examines some aspects of Dostoevsky's polemic with Chernyshevsky reflected in the novel *Crime and Punishment*. Chernyshevsky's philosophical concept, embodied in its most complete form in the novel *What Is to Be Done?*, was overshadowed by the authority of the author, who was subjected to repression. It attracted the generation formed in the era of radical changes by its simplicity, logic and seeming irrefutability. Dostoevsky's novel became a "retort" in which it was subjected to a comprehensive verification of its truth. This critical attitude greatly influenced the artistic originality of *Crime and Punishment*. A modern Dostoevsky reader cannot help but notice the similarities with Chernyshevsky's novel at the level of plot and key details, as well as direct references to stories about new people.

Keywords: a new man, a new word, an experiment/examination, a dialectic, "good evil"

В статье рассматриваются некоторые аспекты полемики Достоевского с Чернышевским, отразившейся на страницах *Преступления и наказания*. Философская концепция Чернышевского, в наиболее законченном виде воплощенная в романе *Что делать?*, осененная к тому же авторитетом автора, подвергшегося репрессиям, привлекала поколение, формировавшееся в эпоху радикальных перемен, своей простотой, логичностью и кажущейся неопровержимостью. Роман Достоевского стал «ретортой», в которой она была подвергнута всесторонней проверке на истинность. Эта установка во многом повлияла на художественное своеобразие *Преступления и наказания*. Современный Достоевскому читатель не мог не заметить переключек с романом Чернышевского на уровне сюжета и ключевых деталей, а также прямых отсылок к *рассказам о новых людях*.

Ключевые слова: новый человек, новое слово, проба, диалектика, «доброе зло»

Received: 28.10.2024. Verified: 31.10.2024. Accepted: 18.11.2024.
© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

И спрашивал его народ: что же нам делать?

Лк. 3: 10.

С двенадцати я буду сидеть
на **Конногвардейском бульваре,**
на **последней скамье того конца, ко-**
торый ближе к мосту¹... [...] вы сяди-
тесь на эту скамью и ждите [...]².

[...] он **искал скамейку; проходил же**
он тогда по К-му [Конногвардейскому.
– В. С.] бульвару. Скамейка виднелась
впереди, шагах во ста. [...] Выглядывая
скамейку, он заметил впереди себя, шагах
в двадцати, идущую женщину [...]³.

Насколько закономерно совпадение географических точек в произведениях разных авторов? Возможно, это чистая случайность: в конце концов и Чернышевский, и Достоевский повествуют о событиях, происходящих в одном городе – Петербурге, герои их принадлежат к одному социальному слою. Однако основания говорить о некоторой преднамеренности автора *Преступления и наказания*, думается, есть. Насколько они велики, нам и предстоит выяснить.

Но для начала сравним приведенные эпизоды.

В сцене свидания у Чернышевского «третьего» нет, однако он подразумевается – это, конечно, Сторешников. Кстати, безымянного господина Раскольников нарекает Свидригайловым, осуществляя таким образом подмену: Свидригайлов и Сторешников «мыслятся» присутствующими. Девушки – обе – нуждаются (Верочка – сознательно, другая – не сознавая того) в защите от посягательств сладострастников – говоря языком Чернышевского, в том, чтобы их «выпустили из подвала», что и пытаются сделать «студенты». Лопухов – сознательно («Очень нужно было бы мне выпускать тебя, если бы самому это не нравилось»⁴), Раскольников – безрассудно, бросаясь с кулаками на «Свидригайлова», способного справиться и с двумя такими, как Родион Романович. Столь же безрассудно отдает жалкие гроши...

Но мало ли случайностей в жизни, тем более у Достоевского, у которого все – вдруг!⁵ Действительно, время действия в обоих романах обозначено разное.

¹ Выделение жирным шрифтом везде мое – В. С.

² Н. Чернышевский, *Что делать? Из рассказов о новых людях*, Ленинград: Наука 1975, с. 80 (далее – Чернышевский, номер страницы).

³ Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений*: в 30 т., т. VI, Ленинград: Наука 1973, с. 39 (далее – Достоевский; номер тома и номер книги – римскими, номер страницы – арабскими цифрами, в скобках – год издания).

⁴ Чернышевский, с. 98.

⁵ По подсчетам В. Н. Топорова, слово «вдруг» встречается в *Преступлении и наказании* около 560 раз. В. Топоров, *Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание»)*, [в:] *Проблемы поэтики и истории литературы*, Саранск: ПО Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева 1973, с. 95.

Чернышевский относит начало *Что делать?* к 1852 году. Достоевский, не называя в тексте точной даты, тем не менее рядом деталей (например, «бульварный господин» делает вид, что сворачивает папироску – это было разрешено на улицах Петербурга в начале **июля 1865 года**) указывает на июль 1865-го⁶. Но почему Достоевский столь настойчив в указании года совершения преступления Раскольниковым?⁷ Только ли это «тоска по текучести» времени? Утверждать (как и отрицать) здесь довольно затруднительно, но вот поразительное совпадение, которое, кажется, пока не привлекало внимания исследователей. В последней главе *Что делать?*, символично названной *Перемена декораций*, главный акцент Чернышевский делает на времени этих перемен:

- [...] Вы начинаете рассказывать о 1865 годе? [...] Да можно ли это, помилуйте!
- Почему же нельзя, если я знаю? [...] Если вам теперь не угодно слушать, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до того времени, когда вам будет угодно слушать. Надеюсь, дождаться этого довольно скоро.
- 4 апреля 1863 года⁸.

Так заканчивается книга, «перепавшая» не одно поколение русских читателей. Достоевский, безусловно, сознавал значение *Что делать?* для современности и будущего России. Может быть даже, не только романа, но и его автора – властителя дум новейшего поколения «русских мальчиков», освященного ореолом мученика, страдальца за идею. Автор «рассказов о новых людях» «знал» то будущее, которое для Достоевского было **настоящим** и даже **прошлым**. «Встреча» двух писателей в одном – 1865 – году не могла быть случайностью.

Как известно, в *Преступлении и наказании* некоторые идеи, прозвучавшие в *Что делать?*, высказывает Лебезятников. Он разъясняет Соне

⁶ В. Данилов, *К вопросу о композиционных приемах в «Преступлении и наказании» Достоевского*, «Известия Академии наук СССР. Серия 7. Отделение общественных наук» 1933, № 3, с. 256. Любопытно, что арестованный М. В. Петрашевский предлагал правительству **разрешить курение на улицах**, что якобы увеличит продажу табаку и принесет казне доходу не менее 600 тысяч руб. «Из них 200 тысяч руб. Петрашевский перелagal передать французским фурыеристам для покупки земельного участка под Парижем и устройства общины, что будет способствовать улаживанию взаимоотношений между народами и уймёт волнения в Европе». (А. Ввозный, *Полицейский сыск и кружок петрашевцев*, Киев: Науч.-исслед. и ред.-изд. отдел КВШ МВД СССР 1976, с. 57–58). Если допустить, что в кружке Петрашевского дебатировался этот прожект и Достоевский об этом знал (или был участником обсуждений), то романная деталь приобретает дополнительную смысловую нагрузку: реализованный-таки прожект никак не способствует гармонизации человеческих взаимоотношений.

⁷ В письме к М. Н. Каткову (10–15 сентября 1865 г.; сохранился черновик) он подчеркивает: «Действие **современное** в **нынешнем году**» (Достоевский, XXVIII, кн. II (1985), с. 136).

⁸ Чернышевский, с. 344.

вопрос «о целовании рук»⁹, излагает Лужину точку зрения на взаимную свободу супругов в браке и т. д. В устах этого персонажа почти дословные цитаты из книги Чернышевского выглядят весьма комично. Свое отношение к Лебезятникову писатель выразил в говорящей фамилии: «лебезить», по Далю, – егозить, елозить, прислуживать, льстить, ластиться, ухаживать, увиваться, угодничать (напомним: Достоевский называл нигилизм «лакейством мысли»¹⁰), подбегать; пролазничать, сплетничать. Не исключено, что данная фамилия (как, впрочем, и носящий ее персонаж) создана с оглядкой на опыт «первооткрывателя» типа «нового человека» – Тургенева, высмеявшего Ситникова – одного из:

бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат¹¹.

Подобное предположение позволяет сделать не только единая словообразовательная модель, по которой созданы обе фамилии (Ситников/Лебезятников), но и семантическая близость. В. И. Даль приводит слово «лебезина» (с пометой *сиб.* – стало быть, Достоевский мог знать это слово) – «лакомое, но несытное кушанье», что соотносится с пословицей о «ситнике»: «хоть решетом, да каждый день, а ситный не сытный»¹².

⁹ Л. Ф. Достоевская вспоминала, что отец ее «никогда не хотел [...] следовать русской моде и целовать у женщины руку; он утверждал, что это целование унизительно для нее. „Мужчины, целующие женщине руку, считают ее рабыней и хотят ее утешить тем, что обращаются с ней, как с королевой, – говорил он обычно. – Если они позднее увидят в ней равную себе, они удовольствуются тем, что пожмут ей руку, как своему товарищу”» (Л. Ф. Достоевская, *Достоевский в изображении своей дочери*, Санкт-Петербург: Андреев и сыновья 1992, с. 178). Если это действительно так, то Лебезятников этим убеждением обязан не только Чернышевскому, но и Достоевскому, который, возможно, воспринял эту идею от автора *Что делать?*.

¹⁰ Достоевский, т. VII (1973), с. 202.

¹¹ Достоевский, т. VI (1973), с. 279.

¹² Этим, однако, смысловые возможности фамилии тургеневского персонажа не исчерпываются. В. И. Даль объединяет в одном корневом гнезде такие слова, как «ситник» – «болотная трава», «ситный цвет» – «волчья трава»; «ситовина» – «сухая дрябь в дереве, гниль, трухлявость». О том, что Тургенев «наградил» героев своего романа неслучайными фамилиями, говорит и то, что, например, по В. И. Далю, кукушка – дурно, неопрятно, неуклюже одетая женщина; а также шелуха, скорлупа, лузга, кожура на плодах, орехах, зернах и пр. Ср. портрет Кукшиной: «дама [...] несколько **растрепанная**, в шелковом, **не совсем опрятном**, платье, с **крупными** браслетами на **коротеньких** руках и кружевную косынку на голове» и пр. (И. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т.* Издание второе, исправленное и дополненное, Москва: Наука 1978–1986, т. 7 (1981), с. 62; далее – Тургенев). Эта портретная характеристика усугубляется и деталями обстановки: «**криво**

Стоит, однако, обратить внимание на два факта. Во-первых, Лебезятников по отчеству – **Семенович**: общее с Соней отчество – знак «видового» родства (не показатель ли это того, что – в определенном смысле, конечно, – тоской по обновлению, стремлением **переменить судьбу** «заболевают» в первую очередь **маленькие люди**, в том числе Лебезятников?). Во-вторых, этот персонаж играет важную роль в эпизоде разоблачения Лужина. Можно предположить, что отношение писателя к Лебезятникову сложнее, нежели кажется на первый взгляд. Более того, характеристика, данная Андрею Семеновичу при первом знакомстве с ним, корректируется автором на протяжении повествования. Лебезятников и пошл, и карикатурен, и жалок, но нельзя ему отказать и в человечности, даже — в благородстве (при всей его нелюбви к этому слову).

Не принимая идей Чернышевского, автор *Преступления и наказания*, кажется, не сомневался в его личной порядочности. Считая нигилистов «сумасшедшими», Достоевский признавал, что у них «своя логика, свое учение, свой кодекс, **свой Бог даже**»¹³. Это признание весьма показательно и дорогого стоит: люди, у которых есть пусть **свой**, но **Бог**, остаются **людьми**, а значит, остается надежда на возможность диалога, надежда на восстановление утраченных ценностей. Именно к ним, думается, в первую очередь и обращается со своей страстной проповедью автор *Преступления и наказания*.

Известен факт визита Достоевского к Чернышевскому летом 1862 года в связи с пожарами, полыхавшими в Петербурге, в возникновении которых почти официально обвиняли «нигилистов». Федор Михайлович умолял Чернышевского повлиять на молодых людей – поджигателей – с которыми, как считал Достоевский, был близок ведущий сотрудник «Современника», к голосу которого они не могут не прислушаться. Таким образом, в середине 1860-х гг. роман государственного преступника, вероятно, мог быть воспринят Достоевским как политическое завещание, программа действий, не реализованная по чистой случайности. **Пока** не реализованная.

прибитая визитная карточка», «груды бумаг, писем, журналов, которые **валялись** по **запыленным** столам [...] **разбросаны окурки**» (Тургенев, с. 62). Думается, семантически близка этим фамилиям и фамилия Колязин – от «каляга» – «лепень, мокрый снег, слякоть, хижанья, дрянь, мокредь, непогодь, дрягяга»: довольно только вспомнить саркастическую характеристику, данную ему писателем: «он обыкновенно оставался в дураках и всякий несколько опытный чиновник садился на него верхом, в делах толку не знал, **ума не имел**, а умел вести свои собственные дела [...]» (Тургенев, с. 58). Как кажется, сарказм Тургенева типологически восходит к грибоедовскому шедевр: Матвей Ильич «выражался на том **великорусско-французском наречии**, над которым так смеются французы [...] сановник вдруг перестает понимать самые простые слова, **глухоту** на себя напускает [...]» (Тургенев, с. 59) (ср. образы глухих в *Горе от ума*; недаром Тургенев подчеркивает: Матвей Ильич «недалеко ушел от государственных мужей **Александровского времени**» – Тургенев, с. 47).

¹³ *Письмо К. П. Победоносцеву 19 мая 1879*, [в:] Достоевский, т. XXX, кн. I (1988), с. 67.

Для развенчания учения Чернышевского пародии было явно недостаточно – требовался предельно серьезный, аргументированный отпор – отпор, строящийся не по принципу нигилистического же неприятия (что в известном смысле характерно для антинигилистических романов Писемского, Крестовского, Лескова и др.), но доказательства их несостоятельности на практике – так сказать, опытным путем. Иначе говоря, писатель решил воспользоваться оружием и методами своих идейных противников: поставить **эксперимент**, обеспечив при этом максимально **чистые** (благоприятные) **условия** его проведения. Роман Достоевского должен был стать тем тиглем или «ретортой» (по слову Раскольникова), где основные идеи *Что делать?*, перекипев, могли либо уничтожиться, либо остаться в чистом виде, избавившись от случайных примесей, либо преобразиться, неузнаваемо изменив самую сущность. По этой причине всесторонняя проверка «новых веяний» не может осуществляться только на уровне Лебезятникова. Это, кстати, противоречило бы и принципу «двойничества», согласно которому герои, ситуации, значимые детали воспроизводятся многократно; мир как бы каждый раз поворачивается новой гранью.

Опошление идеи – не аргумент против нее. С идеей можно спорить только на равных, восприняв ее в максимально возможной силе ее, привлекательности и, если угодно, красоте. По-честному, без ерничества и передергиваний. Этим, как кажется, можно объяснить до сих пор не получивший сколько-нибудь вразумительного толкования феномен трансформации замысла романа от *Пьяненьких* до *Преступления и наказания*. В черновиках III (окончательной) редакции романа говорится о необходимости перерыть все вопросы. Свойство писателя «высказываться до конца» подмечено давно. Однако именно в *Преступлении и наказании* Достоевский делает первую попытку дать универсальный ответ на вопросы времени.

Думается, что в постановке Чернышевским проблемы **деяния** создателя *Преступления и наказания* прежде всего задел акцент на необходимости действия как такового в ущерб способам и качеству действия: **что** делать, но не **как** делать. С этой точки зрения уже само название романа Достоевского полемично по отношению к произведению Чернышевского. Слово «преступление» толкуется В. И. Далем как «**действие** по глаголу **преступать**, самое **дело**, проступок и грех, беззаконие, злодеяние; поступок, противный закону». «Новейшее» же поколение возводит «дельность» саму по себе в этическую категорию. Первым это подметил в своем герое И. С. Тургенев. Базаров, аттестуя немецких ученых как «**дельный** народ», постулирует: «Мне скажут **дело**, я соглашаюсь, вот и все»¹⁴.

¹⁴ Тургенев, с. 28.

Дельность, полезность (ср. базаровское: «Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным»¹⁵) становятся главным, если не единственным критерием чего бы то ни было, включая способ человеческого существования, да и самого человека. Частное – функция – оказывается выше, существеннее общего – личности. «Кто с дельною целью занимается каким-нибудь делом, – размышляют герои *Что делать?* – тот, какое бы ни было это дело и в каком бы платье ни ходил этот человек, в мужском или женском – этот человек просто человек, занимающийся своим делом и больше ничего»¹⁶. Можно и нужно сделать скидку на «эзопов» язык Чернышевского: смысл высказывания прочитывается безусловный: «дельная цель» – это то, что лапидарно выразил Павка Корчагин словами «освобождение человечества». Однако настораживает определение, употребленное со словом «дело» – **какое-нибудь**. Не предполагает ли оно бесчисленное множество конкретизаций, вплоть до самых неприемлемых с точки зрения морали? Самое дело оправдывается **дельной** же целью. Опасным кажется и то, что в логической цепочке «средство – цель» при подстановке конкретных, по Чернышевскому, величин, мы получим «дело – дельная цель». Следовательно, средства суть основное качество, наполнитель, содержимое цели. Но ведь с этой точки зрения любое дело получает индульгенцию «из рук» будущего, оправдание высокой целью – вседозволенности.

Есть и другая сторона: дельная цель освящает дело как таковое, дело приобретает самоценное значение, способность к деянию становится основным и единственным этическим критерием, сила – главным аргументом правомерности содеянного, ибо на первое место ставится зримость, наглядность, результативность – характеристики **количественного**, но не **качественного** ряда. «Мы **ломаем**, потому что мы **сила**»¹⁷, – любит себя собой Аркадий. «Наш брат **самоломанный**»¹⁸, – характеризует себя и себе подобных Базаров. Проведя ночь на гвоздях (тоже своеобразное **самоломание!**), Рахметов комментирует свой поступок: «**Проба. Нужно.** Неправдоподобно, конечно; однако же **на всякий случай нужно.** Вижу, **могу**»¹⁹. Спустя два года после того как были написаны эти слова, студент Раскольников отправится «делать **пробу** своему предприятию»²⁰, с тем чтобы чуть позже поставить над собой страшный эксперимент...

В наброске конца VII главы второй части *Преступления и наказания* читаем:

¹⁵ Тургенев, с. 49.

¹⁶ Чернышевский, с. 270.

¹⁷ Тургенев, с. 51.

¹⁸ Там же, с. 119.

¹⁹ Чернышевский, с. 212.

²⁰ Достоевский, т. VI (1973), с. 7.

Нет преступлений. [...] NB Но деятель может. – К какой деятельности? – **К какой бы то ни было. Всякая деятельность, даже и злая, полезна.** Провозвестник **какой-нибудь новой истины.** Пророк **какого-нибудь нового слова**²¹.

Нетрудно догадаться, что эти речи автор предполагал вложить в уста Родиона Романовича Раскольникова. В окончательном тексте Достоевский откажется от «лобового», так сказать, утрированного цитирования Чернышевского, однако рассуждения Раскольникова остаются тем не менее в русле концепции героев *Что делать?*.

Здесь мы, наверное, подошли к самому главному. Вчитаемся в столь знакомое название романа Чернышевского. Как он называется? *Что делать?*. Не совсем. Мы обычно забываем следующие за этим «проклятым» вопросом слова: *Из рассказов о новых людях*. Ясно, что это не только определение жанровой специфики книги Чернышевского. Автору важно подчеркнуть **дельность как основное имманентное** качество **новых людей**, нашедших ответ на вопрос, вынесенный в заглавие. Это недвусмысленно декларируется Чернышевским в *Предисловии* к роману:

Добрые и **сильные**, честные и **умеющие**, **недавно вы начали возникать, между нами**, но вас уже немало, и быстро становится все больше. Если бы вы были публика, мне уже не нужно было бы писать; если бы вас еще не было, мне еще не было можно писать. Но вы еще не публика, а уже вы есть между публикою, – потому мне еще нужно и уже можно писать²².

Стоит, однако, задаться и таким вопросом: а что, собственно говоря, значит это словосочетание – **новые люди**? Современный читатель скорее всего скажет, что это люди с новым отношением к жизни, человеческой личности, исповедующие принципы революционного обновления действительности и т. п., и будет прав. Безусловно, и Чернышевский придавал данному словосочетанию и этот смысл тоже, но не только. Дело в том, что у В. И. Даля словосочетание «новый человек» толкуется однозначно: «христианин, возрожденный, обновленный благодатию». Предположить, что автору *Что делать?* – сыну священника, бывшему семинаристу – не было известно приведенное значение, просто невозможно. Таким образом, **новые люди** Чернышевского – носители религиозного сознания (как бы писатель-рационалист ни относился к религии вообще), хотя их религия и включает Христа как объект поклонения, но принимает Его в том значении,

²¹ Достоевский, т. VII (1973), с. 209.

²² Чернышевский, с. 14.

что и Белинский, считая, что, будь Он в данное время жив, то оказался бы в рядах социалистов. Заметим, что в словах неистового Виссариона содержится непризнание чудесного Воскресения Сына человеческого – Он мыслится лишь как сугубо **исторический** персонаж. Вот красноречивая деталь:

Кирсанов по-французски выучился [...] по одной книге, без лексикона: Евангелие – книга очень знакомая; вот он достал Новый Завет в женевском переводе, да и прочел его восемь раз; на девятый уже все понимал [...] ²³.

Новый Завет тут всего лишь средство достижения сугубо утилитарной цели, форма – язык – заслоняет, нивелирует содержание. **НОВОЕ СЛОВО** – универсальное Слово Божественного Откровения – превращается во французское слово, новое именно и только по форме, а Евангелие – в книгу, одну из, «магазин» лексики и грамматических форм, полезное дидактическое пособие.

Характерно, что среди носителей **нового слова** – осчастлививших человечество «законодателей» (Кеплер, Ньютон, Ликург, Солон, Магомет, Наполеон) – Раскольников не упоминает Христа, и понятно почему: глашатай всепрощающей, жертвенной любви не смог бы переступить не то что через кровь, но даже через слезинку ребенка. Подобные идеи в середине XIX столетия, что называется, носились в воздухе. Так, Л. Толстой записал 4 марта 1855 в дневнике:

Разговор о божественном и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – **основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической**, не обещающей будущее блаженство, но **дающей блаженство на земле** ²⁴.

Религия новых людей мыслится Чернышевским как следствие существовавших ранее религий (в IV сне Веры Павловны этот процесс символизируют четыре ипостаси богини любви – Астарты, Афродиты, Девы Непорочности и Равноправности), а потому настоятельно требует своеобразной переплавки мистерий и мифологии религии старой. Так, в Первом сне Веры Павловны своеобразно интерпретируются евангельские сказания о чудесных исцелениях расслабленных и о воскресении Лазаря:

²³ Чернышевский, с. 147.

²⁴ Л. Толстой, *Собрание сочинений*: в 22 т., т. 21, Москва: Художественная литература 1984, с. 139–140.

[...] вот подвал – в подвале взаперти девушки. Верочка притронулась к замку – замок слетел: „идите” – они **выходят**. Вот комната – в комнате лежат девушки, **разбитые параличом**: „вставайте” – они **встают, идут** [...]»²⁵.

Да и само имя главной героини – **Вера** – нельзя в этой связи не воспринимать вполне определенным образом...²⁶

Тема Воскресения связана и с одной из второстепенных героинь *Что делать?* – Настей Крюковой, бывшей проституткой (блудницей), преобразившейся под влиянием Кирсанова. Об этом говорит и ее имя – Анастасия, в переводе означающее **Воскресение**. Любопытно, что, рассказывая о последних днях жизни Крюковой, автор не говорит о ее смерти – даже не употребляет этого слова (или слов похожей семантики: скончалась, умерла и т. п.): «Заботы о Крюковой, потом **воспоминания** о ней обманули Кирсанова [...] грусть по ней в сущности очень скоро сгладилась...»²⁷. Понятный ряд **смерти** как бы табуирован для Чернышевского: Крюкова вообще **единственный** персонаж романа, исчезающий из жизни и из ткани повествования по-настоящему, всерьез (не как Лопухов с фарсовой имитацией самоубийства или же «проницательный читатель», так и не изгнанный со страниц романа) и навсегда. Однако Крюкова именно **исчезает**.

Есть, однако, и еще одно толкование словосочетания **новый человек**, о котором Чернышевский не мог не знать. *Ното повус* (лат.) – так в Риме презрительно называли представителей незнатного рода, первыми в своем роду достигших консульства (к homo povus принадлежал, например, знаменитый Цицерон)²⁸. В таком случае **новый человек** – это еще и тот, кто, фигурально говоря, рвется к власти или только что дорвался до нее²⁹.

Думается, именно поэтому текст *Преступления и наказания* буквально пестрит словом «новый». Достаточно вспомнить в связи с этим и «теорию» Раскольникова, согласно которой провозвестникам «нового слова» дозволено переступить кровь, или Лужина, в облике которого

поражало как бы что-то **особенное**, а именно, нечто как бы оправдывавшее название «жениха». [...] Все платье его [...] было слишком **новое** и слишком обличало известную цель. [...]

²⁵ Чернышевский, с. 82.

²⁶ Об антропонимике *Что делать?* см.: А. Кунарев, *Вера Павловна и другие: антропонимы в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»*, «Русский язык в школе» 2001, № 3, с. 68–73.

²⁷ Чернышевский, с. 165.

²⁸ Ср. простосердечное признание Василия Ивановича Базарова: «[...] я ведь **плебей, homo povus – не из столбовых**, не то, что моя благоверная...» (Тургенев, с. 115).

²⁹ Неслучайно и в наши дни словосочетание «новый русский» «заряжено» негативной экспрессией и обозначает существо грубое, невежественное, агрессивное, больше похожее на животное, нежели на человека.

новехонькая, круглая шляпа об этой цели свидетельствовала [...]. [...] В одежде же Петра Петровича преобладали цвета **светлые** и **юношественные**. На нем был хорошенький летний пиджак **светло**-коричневого оттенка, **светлые** легкие брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое белье, батистовый самый **легкий** галстучек с **розовыми** полосками [...]. Лицо его, весьма **свежее** и даже красивое, и без того казалось **моложе** своих сорока пяти лет³⁰.

Заметим, что Достоевский педалирует здесь и мотив «жениховства», явно намекая на образ «Невесты своих женихов» из романа Чернышевского. Этот мотив связан со Свидригайловым, и, думается, опосредованно – с Дуней Раскольниковой и Сонечкой Мармеладовой, поневоле ставших «невестами» многих.

Нет ничего удивительного в том, что «новехонькой круглой» шляпе Лужина автор (да и сам Петр Петрович!) уделяет столько внимания: в сознании читателя сразу всплывает та «изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону»³¹ шляпа Раскольникова, вызвавшая в нем столько мучительных переживаний. В конечном счете она все-таки заменяется на каскетку. Символический смысл переодевания Раскольникова совершенно прозрачен: он надевает **новую старую** одежду – тот же мотив звучит в описании «светлого и юношественного» костюма престарелого (по меркам XIX столетия) Лужина. При этом нельзя не вспомнить, что в комнате Сони Раскольников замечает «**Новый** завет в русском переводе» – книгу «**старую**, подержанную, в кожаном переплете»³². Именно по ней – «вечной книге» блудница читает убийце сказание о воскресении Лазаря. Трудно поверить, что Достоевский обратился к тому же евангельскому тексту, что и Чернышевский, исходя **только** из собственных художественных задач. Это становится особенно очевидно в последних строках романа:

[...] в этих больных и бледных лицах уже сияла заря **обновленного** будущего, **полного воскресения в новую жизнь**. [...] Он даже и не знал того, что **новая жизнь** не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее **великим, будущим подвигом** [...]. Но тут уж начинается **новая** история, история **постепенного обновления** человека, история **постепенного перерождения** его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с **новой**, доселе совершенно **неведомою** действительностью. Это могло бы составить тему **нового** рассказа [...]³³.

³⁰ Достоевский, т. VI (1973), с. 113–114. Выделенные лексемы соотносятся с концептом новизны. В том же ключе следует рассматривать и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами *хорошенький* и *галстучек*.

³¹ Там же, с. 7.

³² Там же, с. 248.

³³ Там же, с. 422.

Носители «нового» – безрелигиозного – сознания оказываются в сложнейшей психологической ситуации: мир, людьми традиционного сознания принимаемый таковым, каким он представляется большинству, для нового человека подобен миру, который открылся первому человеку, и требует **немедленного** и всестороннего изучения. Каждое явление должно быть названо и введено в общую картину представлений. Все нуждается в тщательной проверке на прочность, точнее – на истинность. Мироздание становится колоссальным полигоном для проведения каких угодно экспериментов, гигантской лабораторией. Но столь же необходимой становится и система отсчета: без нее невозможен учет результатов. В непознанном внешнем мире искать ее бесполезно. Остается критерием истины сделать собственное «Я». Но «Я» это тоже нуждается в испытании на прочность. И являются окровавленный Рахметов и «самоломанный» Базаров, даже смерть свою превращающий в некий испытательный полигон: «Я не ожидал, что так скоро умру [...] – говорит он отцу, убедившись в неизлечимости болезни. – Вы оба с матерью должны теперь воспользоваться тем, что в вас религия сильна; вот вам случай **поставить ее на пробу** [...]»³⁴. «Пробует» себя и героиня *Что делать?*, решившая

испытать свои нервы, – может ли она *видеть кровь*, в состоянии ли будет заниматься анатомией. При положении Кирсанова в госпитале [...] не было никаких препятствий этому **испытанию**³⁵.

При этом все, что прочно, объявляется истинным, непрочное – ложным, а значит обреченным. Обилие же мелочей, заслоняющих величественно простую архитектонику мира, необходимо «устранить» как не соответствующую истине «Я». При таком миропонимании любое явление становится необходимым, жестко увязываясь в систему причинно-следственных отношений. Все получает свое объяснение как обусловленное суммой фактов, породивших данное явление, которое при этом теряет право на индивидуальность и неповторимость. То же относится, и едва ли не в первую очередь, к человеку. Базаров ничуть не шутит, уверяя, что «изучать отдельные личности не стоит труда. Все люди друг на друга похожи как телом, так и душой; у каждого из нас мозг, селезенка, сердце, легкие одинаково устроены; и так называемые нравственные качества одни и те же у всех: небольшие видоизменения ничего не значат. Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что деревья в лесу; ни один

³⁴ Тургенев, с. 177.

³⁵ Чернышевский, с. 265.

ботаник не станет заниматься каждой отдельной березой»³⁶. Показательны с этой точки зрения портретные характеристики Кирсанова и Лопухова:

У него [Кирсанова – В. С.], как и у Лопухова, были правильные, красивые черты лица. Одни находили, что красивее тот, другие – этот. У Лопухова, более смуглого, были темно-каштановые волосы, сверкающие карие глаза, казавшиеся почти черными, орлиный нос, толстые губы, лицо несколько овальное. У Кирсанова были русые волосы довольно темного оттенка, темно-голубые глаза, прямой греческий нос, маленький рот, лицо продолговатое, замечательной белизны. Оба они были люди довольно высокого роста, стройные, Лопухов несколько шире костью, Кирсанов несколько выше³⁷.

Удивительное дело: обилие внешних, дотошно зафиксированных автором деталей создает у читателя, однако, впечатление полного отсутствия различий между персонажами! Никакой тайны в человеке. Никакой тайны в жизни вообще. В этом смысл обращенной к читателю декларации: «[...] дальше не будет таинственности, ты всегда будешь за двадцать страниц вперед видеть развязку каждого положения»³⁸. Да и есть ли место тайне, загадке в царстве целесообразности, там, где духом святым по имени «Прогресс»!

Но раз так, любое явление – как и любой же человек! – оценивается с точки зрения его полезности:

«Благороднее», «великодушнее» – все это вздор, нелепости, старые предрассудочные слова, которые я отрицаю! Все, что полезно человечеству, то и благородно! Я понимаю только одно слово: полезное! – провозглашает Лебезятников³⁹.

[...] пуще всего, тем ты грешница, – упрекает Раскольников Соню, – что понапрасну умертвила и предала себя. [...] Еще бы не ужас, что ты живешь в этой грязи, которую так ненавидишь, и в то же время знаешь сама (только стоит глаза раскрыть), что никому ты этим не помогаешь и никого ни от чего не спасаешь!⁴⁰

С точки зрения «пользы» утверждается «нужность» Марьи Алексевны и необходимость «олухов» Ситниковых («не богам же горшки обжигать!»⁴¹).

«Невеста своих женихов, сестра своих сестер», она же впоследствии «Любовь ко всем людям», наставляет Веру Павловну:

³⁶ Тургенев, с. 78–79.

³⁷ Чернышевский, с. 150–151.

³⁸ Там же, с. 13.

³⁹ Достоевский, т. VI (1973), с. 285.

⁴⁰ Там же, с. 247.

⁴¹ Тургенев, с. 102.

[...] теперь **мне нельзя без таких злых**, которые были бы против других злых. Мои злые – злы, но под их злою рукою растет добро. [...] Видишь, у нее [Марьи Алексевны – В. С.] были дурные мысли, но из них выходила **польза** человеку [...]»⁴².

С подобной же ситуацией мы сталкиваемся и в предпоследней главе *Что делать?*:

- Ну что ж, однако, в результате: хорошо или дурно? [...]
- Более дурно, чем хорошо, – сказала Вера Павловна. [...]
- Во всяком случае, без этого жизнь не обходится, – сказал Бьюмонт.
- Вещь неизбежная, – подтвердил Кирсанов.
- Отлично дурно, следовательно, отлично, – решил спрашивающий⁴³.

Предмет обсуждения ясен – революция. Однако нельзя не обратить внимания на концовку разговора: этическая разница антонимической пары «хорошо» и «дурно» снимается лихим силлогизмом Никитина, заслужившим одобрение товарищей. Граница между добром и злом размывается, и зло не только признается необходимым, но и превращается в добро. То же самое внушает Базаров Аркадию Кирсанову: «Разве ты не знаешь, что на нашем наречии и для нашего брата „не ладно“ значит „ладно“?»⁴⁴. К этому ряду надо добавить «чистую грязь», о которой рассуждают Лопухов и Мерцалов во II сне Веры Павловны («на языке филологии, которой мы с вами придерживаемся, эта чистая грязь называется реальная грязь»⁴⁵), из которой родится хорошая пшеница. Эта «реальная» грязь в мире *Преступления и наказания* трансформируется в «особую чистоту», которую должна «наблюдать» Соня, а следом за ней и Дунечка, – чистоту, о которой неотвязно думает Раскольников, мучимый вопросом о судьбе сестры:

А и выходит тогда, что опять, стало быть, «чистоту наблюдать» придется. Не так, что ли? Понимаете ли, понимаете ли вы, что значит сия чистота? Понимаете ли вы, что лужинская чистота все равно, что и Сонечкина чистота, а может быть, даже и хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, все-таки на излишек комфорта расчет, а там просто-запросто о голодной смерти дело идет! «Дорого, дорого стоит, Дунечка, сия чистота!»⁴⁶.

⁴² Чернышевский, с. 128–129.

⁴³ Там же, с. 339.

⁴⁴ Тургенев, с. 72.

⁴⁵ Чернышевский, с. 123.

⁴⁶ Достоевский, т. VI (1973), с. 38.

Уместно тут вспомнить и размышления героя, вызванные насмешкой пьяного мужика «Эй ты, немецкий шляпник!»⁴⁷:

Вот эдакая какая-нибудь глупость, – бормочет Раскольников, – какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! [...] Тут нужно быть как можно неприметнее... Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и все [...]⁴⁸.

Нет никаких ориентиров – точь-в-точь как в последнем кошмаре Раскольникова: «Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, **что считать злом, что добром**. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать»⁴⁹: «мелочи главное», «отличное дурное», «ладное неладное», «чистая грязь», «грязная чистота», «доброе зло»... Почему же тогда не быть «злему добру»?⁵⁰ С точки зрения диалектики, такие перестановки не просто допустимы, но необходимы, ибо в этом суть диалектики! Все относительно, подвижно, зыбко, фантастично – никаких абсолютов, кроме самой диалектики! Кошмарная реальность: чистая, добрая, великодушная («[...] хоть мучайте ее, а она несправедливого не сделает!»⁵¹) Катерина Ивановна отправляет падчерицу на панель.

А вот реальность кошмара – вполне возможная, если бы доброй была Марья Алексевна Розальская:

Комната. У порога храпит пьяный, небритый, гадкий мужчина. [...] На кровати женщина, – да, это Марья Алексевна, только добрая! зато какая она бледная, дряхлая в свои 45 лет, какая изнуренная! У кровати девушка, лет 18-ти, да это я сама, Верочка; только какая же я оборванная. [...] у меня и цвет лица какой-то желтый; да и черты грубее, да и комната какая-то бедная! [...] Верочка на улице.
– Мамзель, а мамзель, – говорит какой-то пьяноватый юноша, – вы куда идете? Я вас провожу. – Верочка бежит к Неве⁵².

Если не знать, что это написано Чернышевским, можно было бы подумать, что это черновой набросок к *Преступлению и наказанию*. Недаром Раскольников, упрекая Соню в бесполезности ее жертвы, твердит в исступлении: «Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы **прямо головой в воду** и разом покончить!»⁵³.

⁴⁷ Достоевский, т. VI (1973), с. 7.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 420.

⁵⁰ Прямое следствие подобных построений оруэлловские формулы «война – это мир» и «свобода – это рабство».

⁵¹ Достоевский, т. VI (1973), с. 243.

⁵² Чернышевский, с. 234.

⁵³ Достоевский, т. VI (1973), с. 352.

Оба романа – *Что делать?* и *Преступление и наказание* – в заключительной части содержат сны о грядущем: Чернышевский живописует земной рай, Достоевский – светопреставление. Кажется, что эти откровения – составные части одного Апокалипсиса, переписанного на современный лад. Более того, не восполняется ли пропущенная **седьмая** главка IV сна Веры Павловны – та, где речь должна была бы идти о путях достижения всемирного счастья, – сном Раскольникова? Недаром же место ему Достоевский отводит в эпилоге – **седьмой** же части *Преступления и наказания*.

Оба мыслителя мечтали о гармонии, о реальной красоте и чистоте. О свободе и человечности. Первый стремился убедить читателя путем силлогизмов и парадоксов в осуществимости царства добра и справедливости, бесполезности страданий и бессмысленности жертв: «Жертв не требуется, лишений не спрашивается – их не нужно. Желайте быть счастливыми – только, только это желание нужно»⁵⁴. «[...] страданье [...] великая вещь [...] в страдании есть идея»⁵⁵, – возражает ему второй. И, как это ни парадоксально, автор *Что делать?* увековечил эту мысль своего оппонента своим мученическим житием.

References

- Chernyshevskii, Nikolai. *Chto delat? Iz rasskazov o novykh lyudyakh*. Leningrad: Nauka, 1975.
- Danilov, Vladimir. “K voprosu o kompozitsionnykh priemakh v ‘Prestuplenii i nakazanii’ Dostoevskogo”. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya 7. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. No. 3 (1933): 249–263.
- Dostoevskii, Fedor. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* Leningrad: Nauka, 1972–1990. Vol. VI (1973). Vol. VII (1973). XXVIII, kn. II (1985). Vol. XXX, kn. I (1988).
- Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri*. Sankt-Peterburg: Andreev i synovya, 1992.
- Kunarev, Andrei. “Vera Pavlovna i drugie: antroponymy v romane N. G. Chernyshevskogo ‘Chto delat?’”. *Russkii yazyk v shkole*. No. 3 (2001): 68–73.
- Tolstoi, Lev. *Sobranie sochinenii v 22 t.* Vol. 21. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1978–1985.
- Toporov, Vladimir. *Poetika Dostoevskogo i arkhaiskiye skhemy mifologicheskogo myshleniya (“Prestuplenie i nakazanie”)*. In: *Problemy poetiki i istorii literatury*. Saransk: PO Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N. P. Ogareva, 1973.
- Turgenev, Ivan. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t. Sochineniya v 12 t.* Vol. 7. Moskva: Nauka, 1978–1986.
- Vvozyi, Anatolii. *Politseiskii syisk i kruzhok petrashevtssev*. Kiev: Nauchno-issledovatel'skii i redaktionno-izdatelskii otdel KVSh MVD SSSR, 1976.

⁵⁴ Чернышевский, с. 127.

⁵⁵ Достоевский, т. VI (1973), с. 247.